

Бралина Г.М.

Оренбургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ ЖАНРА РУССКОЙ ИНВЕКТИВЫ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В статье исследуется композиция жанра инвективы русской поэзии 1840-1860-х годов; рассматриваются соотношения двух композиционных звеньев – план субъекта и план адресата; выделяются 4 композиционных типа.

Композиция, под которой традиционно понимают расположение и соотношенность компонентов художественной формы [1], активно изучается в отечественном литературоведении. Аналитический обзор исследований, посвященных композиции, уже неоднократно делался (см. работы Н.П. Копыловой [2], В.Е. Холшевникова [3], Л.Г. Кайды [4], Р.А. Евсеевой [5], О.В. Слонь [6]). Из многочисленных подходов к проблеме композиции для нас ценность представляет подход В.С. Хализева, утверждающего, что построение произведения обусловлено его содержанием и жанром [1, 297]. В этой связи композиция сравнительно недавно введенного в научный оборот нетрадиционного жанра инвективы предстает как новая проблема, требующая своего специфического подхода. Согласно концепции С.А. Матяш [7], разграничившей инвективу как тип речи и инвективу как жанр, лирический жанр инвективы представляет собой развернутое обвинение от имени субъекта (или всего человечества) непосредственно адресованное обличаемому лицу; лирическая агрессия сменяется угрозой наказания. Для анализа композиции такого жанра оказывается малопродуктивным применение трехчастной сегментации текста, на которой настаивают Холшевников [3], Евсеева [5] и другие. С.А. Краковяк и С.А. Матяш [8] предложили рассматривать план субъекта и план адресата как два центральных композиционных звена инвективы. Представляется, что подобный подход, учитывающий специфику жанра, может быть плодотворным при изучении инвективы середины века.

Период 40-60-х годов XIX века, который лишь в самом общем виде охарактеризован

С.А. Матяш в статье «Инвектива в русской поэзии» [7], мы предлагаем изучить основательно, прибегая к методу фронтального обследования поэзии данного периода. Нами было просмотрено творчество 16-ти поэтов; у Ю.В. Жадовской [9], Л.И. Пальмина [10] и В.И. Богданова [11] инвектив не обнаружено. Жанр инвективы нами выявлен у следующих поэтов середины XIX века: Н.А. Некрасова [12], Ап.А. Григорьева [13], А.Н. Плещеева [14], А.Н. Майкова [15], Я.В. Полонского [16], В.С. Курочкина [17], Н.П. Огарева [18], Л.А. Мея [19], Э.И. Губера [20], Д.Д. Минаева [21], К.К. Павловой [22], Е.П. Ростопчиной [23], Н.Ф. Щербины [24]. Всего объектом анализа является 19 инвектив. Как правило, в наших работах инвектива середины XIX века сравнивалась с инвективами Лермонтова, исследованными Н.А. Анненковой [25]. Однако в аспекте композиции такое сопоставление сделать затруднительно, ввиду разницы в применяемых нами методиках.

Исследование субъектно-объектных отношений показало, что в 74% инвективных текстов (в 14¹ из 19) субъект и адресат выражены эксплицитно. В стихотворениях «Блаженны вы, кому дано...», «Лжеучителям» А.Н. Плещеева и «Прощание с Петербургом» Ап. Григорьева (16%) обличение дается от лица всего человечества. 10% составили стихотворные тексты, где субъект и объект представлены в одном лице («Я за то глубоко презираю себя...» Некрасова, «Судьба современных художников» Ростопчиной). Эти инвективы мы назвали автокоммуникативными. Приведенная статистика показывает, что для жанра инвективы характерны тексты, в которых субъект и адресат

¹ А.Н. Некрасов «Молодое поколение своему Зоилу», «Зачем меня на части рвете...»; Ап. Григорьев «Героям нашего времени», «Город» (Посвящается И.А. Манну); Е.П. Ростопчина «Минувшему высокосному 1852 году», «Болезни века»; А.Н. Майков «После бала»; Н.П. Огарев «Стансы Пушкина» (Анненкову), «Размолвка с миром», «Gute Gesellschaft»; Я.П. Полонский «Беспутный год»; Н.Ф. Щербина «Лития по усопшем рабе божием Константине Гро-те»; Э.И. Губер «Иным», «Проклятие».

выражены эксплицитно. Благодаря этому можно рассмотреть отдельно план субъекта и план адресата. План субъекта может иллюстрировать инвектива «После бала» Майкова, где субъект заявляет: «Мне душно здесь! Ваш мир мне тесен! / Цветов мне надобно, цветов, / Веселых лиц, веселых песен, / Горячих споров, острых слов...». Перед нами пример раскрытия внутреннего мира субъекта за счет нанизывания экспрессивных восклицаний, которые способствуют обличению им светского общества: «Вы сами бьетесь в ералаш, / Чинопоклонствуете, лжете, / Торгуете и продаете – / И это праздник званный ваш!»

План объекта реализуется в двух композиционных звеньях: 1) обличение; 2) угроза. Первое звено включает в себя два компонента: а) номинация; б) перечисление действий, которые однозначно причислят адресата к числу преступников в глазах читателя / слушателя, то есть вызовут чувства осуждения и порицания [26, 83].

Номинация может содержать имя: «наш Зоил» «Молодое поколение своему Зоилу» Некрасова, «Грот» «Лития по усопшем рабе божием Константине Гроте» Щербина, указывать на социальный статус: журналисты – «Чернильных жарких битв копеечные бойцы» «Героям нашего времени» Григорьева, учителя – «Жрецы греха, пророки тьмы» «Лжеучителям» Плещеева и давать общую экспрессивную оценку объекта: «тщедушные певцы своих страданий», «герои женских юбок», «презренные скопцы» «Иным» Губера, «беспутный год, бездушный год» «Беспутный год» Полонского, «тяжелый год и высокосный год» «Минувшему высокосному 1852 году» Ростопчиной.

В нашем материале данное композиционное звено, как правило, небольшого объема. Однако есть исключение. В инвективе «Болезни века» Ростопчиной нам встретилась расширенная номинация: «Мне жалко вас, скучающих и бедных, / Земли непрошенных, взыскательных гостей, / Богатых опытом, а радостями бедных, / Живущих наобум, без жизни, без страстей, / Мне жалко вас, младое поколение / Не седовласых старичков!..» (Здесь и далее курсив наш – Б.Г.). Объект

характеризуется субъектом с разных сторон: «скучающие и бедные», «непрошенные, взыскательные гости», «живущие без цели», с одной стороны, «молодое поколение», а с другой – «не седовласые старички». На протяжении текста поэтесса также обращается к ним: «слепцы», «бессильные», «бездольные». Здесь мы видим использование композиционного приема, который С.А. Матяш ранее назвала амплификацией (прежде этот термин использовался как риторический прием). Благодаря амплификации в звене номинации у читателя формируется крайне негативный образ поколения.

Второй компонент первого звена композиции состоит из перечисления злодеяний и преступлений: «Ты взял у нас народные три славы, <...> / Ты вырвал кисть из длани вдохновенной / Ты песнь прервал в груди благословенной» Ростопчина, «Минувшему высокосному 1852 году», «Фонари ты ставил под глазами, / От тебя тошило столько душ» Щербина, «Лития по усопшем рабе божием Константине Гроте», «Ты издавна сроднился с ласкательством / С колыбели бесстыдством живешь, / И пронырством да гнусным искаательством / Понемножку вперед ты ползешь» Некрасов, «Молодое поколение своему Зоилу».

Второе композиционное звено – угроза наказания или проклятие. Напомним, что обличение, как и угроза, являются жанровыми константами инвективы. Проклятие или угроза наказания, по замечанию Краковяк и Матяш [26, 84], может быть реализовано в следующих видах:

а) вневременное проклятие: «О, сгинь навек, косивший так высоко / Год наших бедствий и страстей!» Ростопчина, «Минувшему высокосному 1852 году»;

б) констатация уже наступающего возмездия в настоящем времени: «А вам не место здесь, герои женских юбок, / Долой, презренные скопцы!» Губер, «Иным», «Но час настает, <...> / И человек, как от чумы, / От вас с проклятием отпрянет!» Плещеев, «Лжеучителям», «Подите прочь!.. Вот вам дорога – / Большая, – можете идти!» Огарев, «Gute Gesellschaft»; «Будь проклят ты, <e... мать>!» Григорьев, «Прощание с Петербургом»;

в) пророчество грядущего наказания в будущем: «Я прокляну ее за все, что в жизни видел, / За все, что в жизни презирал, / За все, что я любил, за все, что ненавидел, / Что с тайным страхом проклинал» («Проклятие» Губера), «Берегись! За твои порицания, / За твой злобный и лживый укор / Мы тебя предадим посмеянию / И грядущим векам на позор!» («Молодое поколение своему Зоилу» Некрасова).

Таким образом, используя методику анализа композиции, предложенную Краковяк и Матяш, констатируем наличие в инвективе середины XIX века двух композиционных планов, каждый из которых имеет дополнительное членение, находящее соответствие в жанровом содержании инвективы. Более детальное рассмотрение материала должно создать типологию композиционных форм.

Первый тип. В инвективе последовательно представлены следующие звенья: номинация адресата, обличение его и угроза («Лжеучителям» Плещеева, «Иным», «Проклятие» Губера, «Прощание с Петербургом» Григорьева). Так, в инвективе «Прощание с Петербургом» Ап. Григорьева в строчках: «Прощай, холодный и бесстрастный, / Великолепный град рабов» поэт обозначает адресата обличения – город Петербург. Далее следуют обвинения объекта, которые нагромождены, на наш взгляд, хаотично:

С твоею ночью гнойно-ясной,
С твоей холодностью ужасной
К ударам палок и кнутов,
С твоею подлой царской службой,
С твоим тщеславием мелочным,
Которой славны, например,
И Калайдович, и Лакьер,
С твоей претензией – с Европой
Идти и в уровень стоять...

Поэт не случайно использует анафору: 6 раз повторяется местоимение «с твоей / с твоею». Для усиления выразительности речи в одном предложении нагромождены слова аналогичные: «холодный и бесстрастный», «кнуты и палки» и контрастные: «казармы, бордели, дворцы», «тщеславие», «служба». «Топтание на месте» способствует постепен-

ному интонационному накалу и его разрешению в финальной строке: «Будь прокляты, <е... мать>!». Данная строка интерпретируется нами как заключительное композиционное звено – проклятие адресата.

Второй тип составили инвективы, в которых номинация адресата и перечисление злодеяний объекта тесно переплетены и завершены угрозой: «Стансы Пушкина. 1826», «Размолвка с миром», «Gute Gesellschaft» Огарева, «Молодое поколение своему Зоилу», «Зачем меня на части рвете...» Некрасова, «После бала» Майкова, «Лития по усопшем рабе божием Константине Гроте» Щербины, «Блаженны вы, кому дано...» Плещеева. Так, Щербина в инвективе «Лития по усопшем рабе божием Константине Гроте» уже в названии обозначает адресата обличения – К. Грота. Кроме этого, на протяжении всего стихотворения поэт обращается к нему, называя его по имени или используя местоимение «ты». Четкого разделения звеньев на номинацию и обличение в данной группе инвектив мы не наблюдаем. Перечисленные тексты объединены тем, что в них обличение и номинация тесно переплетены. Это не мешает ему в полной мере «излить» негодование на адресата: «Мы в гербе орла уничтожаем, / Герб меняем, Грот, из-за тебя! / Кабаком орла мы замещаем, / Чтоб точнее выразить себя... <...> / Мир тебе, нам мужиков спойвший, <...> / Русским бабам все нутро отбивший / Чрез посредство пьяных их мужей!» В заключительных строках проклятие Грота спроецировано на Россию: «Знать, недаром шли тебе крестишки, / Так теперь Россия крест неси!» Это можно объяснить, на наш взгляд, причиной создания инвективы: К. Грот занимал пост директора департамента неокладных сборов, главный деятель акцизной реформы на спиртные напитки. В результате этих преобразований вино значительно подешевело [27, 590-591]. Поэт негодует по этому поводу, так как спиртосодержащие напитки стали доступнее, что приводило к пьянству простого народа.

Третий тип – кольцевое построение инвективы. Как показал проделанный анализ, обвинение возникает в конце инвективы (в 14 случаях из 17) после перечисления всех

злодеяний. Теоретически этот тип не характерен для инвектив. Наш анализ показывает, что в 82% обвинение возникает в конце стихотворения. Оставшуюся пятую часть составляют три инвективы: «Минувшему высокосному 1852 году» Ростопчиной, «Героям нашего времени» Григорьева, «Беспутный год» Полонского. В названных текстах обвинение предшествует номинации и обличению. В инвективе Григорьева «Героям нашего времени» уже в первых строках появляется богиня справедливого возмездия Немезида, то есть угроза наказания не завершает обличения, а предшествует им: «Нет, нет – наш путь иной... И дик, и страшен вам, / Чернильных жарких битв копеечным бойцам, / Подъятый факел Немезиды». Далее поэт перечисляет злодеяния адресата обличения: «Вам низость по душе, вам смех страшнее зла, / Вы сердцем любите лишь лай из-за угла / Да бой петуший за обиды! <...> / Вы не причастники, не ратоборцы вы / О благородном и великом». В финальных строках поэт употребляет глаголы условного наклонения: «Иль, если б видели, – нечистыми руками / С подножий совлекли б, чтоб уровнять их с вами / В демагогическую грязь!». Это говорит о желании поэта подчеркнуть мысль, что действие не реальное, а предполагаемое, зависящее от каких-либо условий – «если б видели», «совлекли б». Завершение лирического произведения проклятием и упоминание богини справедливого возмездия в начале позволяют сделать вывод, что перед нами кольцевое построение инвективы.

Четвертый тип – инвективные тексты, в которых были номинация, перечисление злодеяний объекта, а угроза адресата отсутствовала: «Болезни века» Ростопчиной и «Город» Григорьева. Так, в звене номинации «Болезней века» Ростопчиной, как уже отмечалось ранее, используется прием амплификации

(см. выше). Далее следуют обвинения поколения в следующем: «Вам в тягость жизнь, вы небом недовольны, / На вас сам бог не угодил!», «Вы отжили, не живши!.. Вы как гости, / Которые пришли хмельные уж на пир», «Вы сердца сны зовете *зablужденьем*², / Любовь, поэзию и славу – *суетой*», «Вы думали, что жизнь – цепь легких наслаждений, / Простор всем прихотям, младых страстей разгул, – / Ошиблись вы!..», «Не там искали вы, где должно, жизни...» и т. д. Финальная октава наполнена элегическим настроением:

Не беден мир, где вечная природа
Неисчерпаемый мыслителю предмет,
Где чудно высится твердь голубого свода,
Блеск солнца ясного сменяет лунный свет...

Поэтесса использует вполне выигрышный прием – отступление от основной темы. Данные строки содержат некое философское рассуждение о смысле мироздания. Все «мелкие» людские проблемы меркнут рядом с красотой природы, в которую мы погружены каждый день и которую не можем оценить по достоинству. Это способствует ослаблению накала обличения, хотя на протяжении всего стихотворения присутствует гневная тональность. Аналогичная картина и в инвективе «Город» Ап. Григорьева.

Наблюдения над особенностями композиционного построения инвективы середины XIX века позволяют сделать следующие выводы: во-первых, накал недовольства звучит «острее» в инвективе первого, второго типов, где присутствуют все композиционные звенья данного жанра. В четвертом типе накал обличения ослабляется. Во-вторых, факт ослабления остроты обличения и угрозы проклятия, очевидно, следует объяснять как индивидуальностью отдельного поэта, так и характером эпохи.

Список использованной литературы:

1. Хализев, В.Е. Теория литературы: учебник / В.Е. Хализев. – М.: Высш. шк., 2002. – 437 с.
2. Копылова, Н.И. Трактат о композиции лирического произведения в современном литературоведении (в работах 60-70-х годов). / Н.И. Копылова // Поэтика литературы и фольклора. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1980. – С. 76-98.
3. Холшевников, В.Е. Анализ композиции лирического стихотворения. / В.Е. Холшевников // Анализ одного стихотворения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – С. 5-49.
4. Кайда, Л.Г. Композиционный анализ художественного текста: Теория. Методология. Алгоритм обратной связи. / Л.Г. Кайда. – М.: Флинта, 2000. – 152 с.

² Курсив Ростопчиной

5. Евсеева, Р.А. Трехчастность лирических стихотворений: к проблеме методики анализа композиции. / Р.А. Евсеева // Вестник ОГУ – 2006 – №11. – С. 45-50.
6. Слонь, О.В. Композиция традиционных и нетрадиционных жанров русской лирики середины XIX века (на материале поэзии Н.А. Некрасова). / О.В. Слонь Автореф. ... канд.филол.н. – Самара, 2007. – 18 с.
7. Матяш, С.А. Инвектива в русской поэзии. / С.А. Матяш // Человек и общество. Материалы междунар. науч.-практич. конф. Ч.3. – Оренбург: ОГУ, 2001. – С. 104-105.
8. Краковяк, А.С. Проблема жанра инвективы в свете системно-субъективного подхода (на материале русской и польской поэзии периода второй мировой войны). / А.С. Краковяк, С.А. Матяш // Проблемы поэтики и истории русской литературы XIX-XX вв.: Междунар. сб. науч. ст. / Под ред. С.А. Голубева, Н.Т. Рымаря. – Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2005. – С. 70-83.
9. Жадовская, Ю.В. Избранные стихи. / Ю.В. Жадовская. – Ярославль: Ярославское книжное издательство, 1958. – 160 с.
10. Пальмин, Л.И. Собрание сочинений. / Л.И. Пальмин. – М., 1881. – 640 с.
11. Богданов, В.И. Собрание стихотворений. / В.И. Богданов / Собрал и подготовил к печати А.В. Кокорев. – М.: Изд-во МГУ, 1959. – 390 с.
12. Некрасов, Н.А. Полное собрание сочинений и писем в пятнадцати томах. / Н.А. Некрасов Т. 1. Стихотворения 1838-1855 гг. – Л.: Наука, 1981. – 720 с. Т. 2. Стихотворения 1855-1866гг. – Л.: Наука, 1981. – 448 с. Т. 3. Стихотворения 1866-1877 гг. – Л.: Наука, 1982. – 510 с.
13. Григорьев, А.А. Избранные произведения. /А.А. Григорьев / Вступ. статья П.П. Громова; подгот. текста и примеч. Б.О. Костелянца. – Л.: Сов. писатель, 1959. – 603 с.
14. Плещеев, А.Н. Полное собрание стихотворений / А.Н. Плещеев / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М. Я. Полякова. – М.-Л.: Сов. писатель, 1964. – 430 с.
15. Майков, А.Н. Полное собрание сочинений в 4-х томах. / А.Н. Майков Т. 1. Лирика. – СПб, Типография А.Ф. Маркса, 1901. – 560 с. Т. 2. Картины. – СПб.: Типография А.Ф. Маркса, 1901. – 508с. Т. 3. Поэмы. – СПб.: Типография А.Ф. Маркса, 1901. – 508 с. Т. 4. Стихотворения. – СПб.: Типография А. Ф. Маркса, 1901. – 618 с.
16. Полонский, Я.П. Полное собрание сочинений в 5-и томах. / Я.П. Полонский Т. 1. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1896. – 480с. Т. 2. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1896. – 460с. Т. 5. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1896. – 496 с.
17. Курочкин, В.С. Собрание стихотворений. / В.С. Курочкин / Вступ. статья, ред. и примеч. И. Ямпольского. – Л.: Сов. писатель, 1947. – 604 с.
18. Огарев, Н.П. Стихотворения и поэмы. / Н.П. Огарев / Вступ. статья С.А. Рейсера и Б.П. Козьмина. Ред. и примеч. С.А. Рейсера и Н.П. Суриной. – Л.: Сов. писатель, 1937-1938. – Т. 1. – 428с. Т. 2. – 498 с.
19. Мей, Л.А. Полное собрание сочинений в 2-х томах. / Л. А. Мей Т.1. Стихотворения. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1911. – 622 с.
20. Губер, Э.И. Стихотворения. / Э.И. Губер // Поэты 1840-1850-х годов / Вступ. статья и общ. ред. Б.Я. Бухштаба. – Л.: Сов. писатель, 1972. – С. 151-163.
21. Минаев, Д.Д. Стихотворения. / Д.Д. Минаев / Ред., вступ. статья и примеч. И. Ямпольского. – Куйбышев: ОГИЗ, 1947. – 334 с.
22. Павлова, К.К. Полное собрание стихотворений. / К.К. Павлова / Вступ. статья П.П. Громова; подгот. текста и примеч. Н.М. Гайденкова. – М.-Л.: Сов. писатель, 1964. – 616 с.
23. Ростопчина, Е.П. Стихотворения. Проза. Письма. / Е.П. Ростопчина / Сост., вступ. статья и примеч. Б.Н. Романова. – М.: Советская Россия, 1986. – 448 с.
24. Щербина, Н.Ф. Избранные произведения. / Н.Ф. Щербина / Вступ. статья И.Д. Гликмана; Сост., подгот. текста и примеч. Г.Я. Галаган. – Л.: Сов. писатель, 1970. – 648 с.
25. Анненкова, Н.А. Сатира и инвектива в поэзии М.Ю. Лермонтова. / Н.А. Анненкова Автореф. дисс... канд. филол. н. – Самара, 2004. – 23 с.
26. Краковяк, А.С. О композиционных особенностях русской и польской инвективы. / А.С. Краковяк, С.А. Матяш // Мир славянской письменности и культуры: материалы заседания «круглого стола», посвященного основателям славянской письменности равноапостольным Кириллу и Мефодию / Под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. – С. 81-86.
27. Галаган, Г.Я. Примечания. / Г.Я. Галаган // Щербина Н.Ф. Избранные произведения. – Л.: Сов. писатель, 1970. – С. 516-605.